

ВЯЧЕСЛАВ ШАЛЫГИН АТАКА

Новости на приемник гиперсигналов Гармонии, далекой и лишь недавно открытой планеты земного типа, приходили с большим запозданием. Вот почему сообщение с местной наблюдательной станции поступило почти одновременно с сигналом бедствия из планетной системы Вероны. Соседи сообщали о приближении флота чужаков, но теперь это видели и спутники Гармонии. Получалось, что часть вражеского флота не стала задерживаться у Вероны и двинулась дальше, напрямик к Гармонии. То есть, в запасе у колонистов почти не осталось времени на подготовку к отражению атаки. Враг стоял у ворот.

Эта новость сначала вызвала у населения шок, но очень скоро привыкшие к сюрпризам дальнего космоса колонисты пришли в себя и на экстренном заседании Совета постановили, что Гармония будет готовиться к войне. Все прекрасно понимали, что шансов на победу у малочисленной и плохо вооруженной колонии практически нет, но за сдачу на милость пришельцам не проголосовал ни один человек. Колонисты точно знали, что никаких милостей не будет. Чужаки есть чужаки. Максимум, на что могли рассчитывать люди – рабство, но ведь колонисты были первопроходцами, самыми смелыми и гордыми представителями своего вида. Такой сорт людей всегда предпочитал рабству героическую смерть в бою.

«Так было всегда, так будет и теперь» – это решение было принято единогласно. Совет колонии за считанные часы разработал план обороны, и все дружно взялись за дело. Кроме ввевшихся в подсознание лозунгов, людей вдохновило сообщение из метрополии. На выручку далеким колониям шел крупный флот землян. Когда Валера Бочкин, главный и единственный оператор гиперсвязи, обнародовал эту весточку, работы по строительству оборонительных сооружений пошли еще быстрее. Земной флот шел на помощь, а значит, у Гармонии всё-таки имелся шанс выстоять.

Люди ободряли друг друга шуточками и работали, как заведенные. Среди колонистов нашлось немало бывших солдат и офицеров, и колония с каждой минутой все больше напоминала военный лагерь. Небольшой арсенал систем противокосмической защиты был расконсервирован быстрее всех нормативов и отряды операторов и бойцов противокосмической обороны приступили к интенсивным тренировкам. Стрелки батальона самообороны тем временем крошили из легкого оружия мишени-валуны на склоне ближайшей горы. Саперные бригады, набранные в основном из женщин, рыли с помощью роботов котлованы для глубоких убежищ и главного командного пункта, а дети с горящими от возбуждения глазами и серьезным выражением на лицах выполняли мелкие поручения и множество вспомогательных работ.

Общее руководство подготовкой к возможной атаке Совет возложил на своего председателя Астахова, но поскольку всюду успеть он не мог, женскими бригадами и детьми руководила Галина, его помощница, в мирное время – секретарь-администратор Совета колонии Гармония.

Председатель Павел Сергеевич Астахов столкнулся с Галей на пороге здания Совета колонии. Молодая женщина выглядела, как и все прочие жители Гармонии: уставшей, но полной решимости работать до изнеможения.

– Вас-то я и разыскивала! – обрадовалась Галя. – Что с вашим телефоном?

– Уронил, когда проверял глубину котлована для командного бункера, – Павел Сергеевич смущенно улыбнулся. – В самую грязь уронил. Такой вот я увальень. Оттого сюда и явился. Иду к Валере взять новый.

– Отлично, – Галина раскрыла папку. – Я вас провожу, и по дороге мы пошепчемся.

– Давайте, – согласился Астахов. – Какие у вас вопросы?

Вопросов набралась критическая масса, и за несколько секунд пути до узла гиперсвязи обсудить их не представлялось возможным. Председатель вошел в комнату и пригласил Галину.

– Проходите. Здесь поговорим. Заодно хоть на минутку присядем. Ноги гудят.

– Ой, не время сейчас отдыхать, Павел Сергеевич, – администратор укоризненно склонила белокурую голову.

– Я просто хочу обсудить проблемы сидя, – уточнил Астахов. – Пока будут работать наши мудрые головы, ногам выпадет минутка отдыха. Разве рациональность предосудительна?

Галя улыбнулась и села на свободный стул. В этот момент к гостям развернулся в кресле связист Бочкин. На нем, что называется, не было лица.

– Валера, что стряслось? – насторожился председатель.

– Там... такое дело, Пал Сергеич... – связист нервно пригладил непослушные волосы на макушке. – Новое сообщение пришло. Только не с Земли, а из Совета Вероны. Чужие почти ушли из соседней системы. Оставили пару кораблей на орбите, а все остальные силы перебросили на наше направление.

– Так это же здорово! – Астахов радостно потер ладони. – Верона в безопасности, а здесь пришельцев встретит флот.

– Погодите, – оборвал его Валера. – По утверждению веронцев, Земля молчит во всех диапазонах гиперсвязи. Такое впечатление, что... ее больше нет. Вернее, людей на ней больше нет. И со всех прочих планет Солнечной системы никаких сигналов не поступает. И ближние колонии молчат. А последний кадр, переданный со спутника промышленной разведки Вероны, запечатлел на Земле пустыню. Там, где раньше была технологическая зона предприятий Демидова, теперь сплошные развалины и головешки.

– Не может быть! – председатель, побледнев, достал платок и промокнул на лбу холодный пот. – Земля... разгромлена? Не может этого быть! А как же... люди? А как же мы? Мы остались одни?

– Еще Верона, но там колония совсем крошечная, – Бочкин тяжело вздохнул. – Двух кораблей пришельцев будет достаточно, чтобы уничтожить колонию одним залпом, прямо с орбиты. А после настанет и наш черед.

– Но гиперсвязь... – Астахов растерянно взглянул на Галину. – А флот... он же шел к нам на помощь! Ты же ловил его сигналы!

– Ловил, – связист кивнул. – Теперь приемник молчит. Или флот развернулся, или его уничтожили чужие.

– Невозможно! – Павел Сергеевич потер шею, словно ему стало невыносимо душно.

– Получается... – Галя вмешалась неуверенно, но скоро нашла в себе силы и заговорила громче. – Получается, пришельцы уничтожили всех и вся. Уцелевшие окраинные колонии, мы в том числе, обречены. Шансов на победу нет. Так?

– Это было ясно с самого начала, – мрачно согласился председатель. – Просто чуть позже нас обнадѐжили, сообщив об отправке спасательного флота. Выходит, это была дезинформация, чтобы нас успокоить?

– Нет, флот действительно вышел, – возразил Валера, – но потом вдруг пропал.

– А гиперрадар исправен? – Астахов беспокойно взглянул на приборы.

– Абсолютно, – связист указал на открытое «окно» текстового сообщения. – Я ведь принял сигнал с Вероны. А заглушить гиперэфир нельзя по определению. Так что...

– Так что молчок! – вдруг приказал Астахов.

– В каком смысле? – удивился Валера. – Не говорить никому, что нам осталось жить чуть больше суток?

– Именно так, – председатель обвѐл строгим взглядом радиста и помощницу. – Если мы подготовимся к атаке, хотя бы минимальные шансы у нас будут, а если опустим руки и начнём биться в истерике, ожидая страшной развязки, нам точно не выжить.

– Мы не имеем права скрывать информацию от людей! – возмущѐнно заявила Галина. – Это противоречит Конституции колонии, да и чисто по-человечески некрасиво получится. Надо сказать.

– Нет, – упрямо проронил Павел Сергеевич. – Всё останется, как есть. Мы будем готовиться к отражению атаки, надеясь, что флот землян придѐт раньше, чем чужаки сумеют сломить наше сопротивление, или даже раньше, чем они вообще нападут.

– Но ведь это блеф! – Галина поднялась и сверкнула взглядом. – Смертельно опасный блеф! Сил нашего ополчения, даже при нынешнем масштабе мобилизации достаточно лишь для короткого сражения с батальоном условного противника! Мы все погибнем!

– Мы в любом случае не выживем, – спокойно произнес Астахов. – На что ты надеешься, Галя, и о чём споришь? Стоит ли вступать в схватку? Конечно, да, и абсолютно не важно, чем она закончится. В колонии все настроены драться и удерживать плацдарм до подхода помощи с Земли, так мы и поступим. Вопрос закрыт.

– Но если мы не будем сопротивляться и рассеемся по лесам, пришельцы не станут нас истреблять! Какой им смысл гоняться по чащобам за тысячей полудиких людей?

– Никакого, – согласился Астахов.

– Ну вот!

– Они просто выжгут все наши леса, как выжгли Землю, – закончил председатель.

Галина сникла и, опустив взгляд, покачала головой.

– Делайте, что хотите. Я буду молчать, но только до тех пор, пока кто-то не спросит меня в лоб. Больше ничего обещать не могу.

– Тебя никто не спросит, – пообещал Астахов.

- Могут спросить у Валеры, - Галина подняла взгляд на радиста.

Валера покосился на Астахова, тяжело вздохнул и пожал плечами.

Председатель расценил это, как обещание молчать.

– Я сам буду информировать людей о «продвижении» нашего флота, - заявил Астахов. – А когда начнётся заварушка... будет видно.

– У вас просто не хватает духа сообщить колонистам плохую весть, – осуждающе буркнула Галя.

– Просто в глубине души мы все надеемся на чудо, – высказался, наконец, удручённый Валера. – Иначе такое напряжение не выдержать.

- То есть, ты согласен с решением Пал Сергеевича?

- Моё дело – техника, - Валера отвернулся.

- А моё – люди! – Галина на миг зажмурилась и помотала головой. – Это будет чудовищный обман! Чудовищный и бессмысленный!

– Галя, очень тебя прошу, подумай хорошенько! – Астахов покачал головой. – Есть вещи более чудовищные. Например – паника. Она уничтожит нас в считанные часы ещё до прибытия чужаков.

- Я... подумаю, - пообещала Галина, но голос у неё дрогнул.

Стало ясно, что она не разделяет мнения председателя, но не уверена и в собственной позиции. Галя находилась в состоянии неустойчивого душевного равновесия и это видел не только Астахов. Угрюмо-молчаливый Бочкин покосился на Галину, и во взгляде у него мелькнуло что-то вроде осуждения.

- Галя, ты справишься, - подбодрил Астахов помощницу и обнял её за плечи. – Ты прирожденная актриса. А ты, Бочкин, сиди и сопи в свой компьютер. Пока не стемнеет – на улицу ни шагу.

– А при чём тут темнота? – Буркнул связист.

– При том! Как раз ты актер нукудышный. У тебя на лице написано, что дела у нас идут не замечательно, а очень даже наоборот.

- Как скажете, - Бочкин вновь пожал плечами и уткнулся в экран.

– Ну всё, собрались, взбодрились и по местам, – скомандовал больше самому себе председатель. – Мы справимся. Главное – без паники!

Смотреть в глаза людям, охваченным единым боевым порывом, было невыносимо. Несколько раз Астахова подмывало плюнуть на секретность и закричать во всю глотку: «Спасайтесь, бегите отсюда подальше!» Но каждый раз в поле его зрения оказывалась энергичная, улыбающаяся Галина, и он подавлял приступы малодушия, твердя, словно заклинание: «Всё останется, как есть, главное – без паники». Галя, судя по всему, всё-таки разрешила свои сомнения в пользу точки зрения Астахова. А если с тяжелейшей ношей ответственности за всю колонию справлялась эта хрупкая женщина, он был обязан поступить не менее достойно. Последние часы жизни люди должны провести, как подобает. Не превратиться в испуганное, дрожащее стадо и не пуститься во все тяжкие.

Момент истины наступит, никуда не денется, это председатель осознавал вполне отчетливо, но если правда откроется раньше времени, ему этого не простят. Хотя, быть может, Павел Сергеевич просто надеялся, что в пылу схватки людям станет не до выяснения, кто и что знал загодя. Может быть, и так. Но в любом случае, для таких тяжелых признаний время не пришло.

– Как там дела у Валеры? – стараясь сделать это незаметно, спросила Галина.

– Гиперэфир молчит. А флот чужаков всё ближе. Пришельцы, по всем расчетам, будут здесь завтра в полдень, максимум – к вечеру. А что у вас?

– Напряжение достигло пика, но это полезное напряжение, – Галя кивком указала на работающих поблизости женщин и мужчин. – Народ сплочён. Все готовы умереть за свободу, все друг другу братья по оружию, и все верят в победу.

– В победу?

– Да. Почему вы удивляетесь? Вы ведь сами этого хотели. Фокус в том, что победа для людей сейчас нечто иное, нежели раньше. Морально мы победили, ответив на вызов противника. Ну, а если продержимся до подхода земного флота...

– Проклятие, – председатель опустил взгляд к земле. – Мне всё труднее лгать. Вчера вечером, когда мы приняли решение, я был уверен, что оно единственно верное, а теперь я начал сомневаться.

– Сомневаться? Вы шутите?! – Возмутилась Галина. – Теперь нам с вами точно нет пути назад! Что конкретно вас беспокоит?

– Если мы ошибаемся, погибнут все, в том числе женщины и дети. А вдруг вы были правы и если они уйдут в леса, у них действительно будет шанс спастись?

– Не терзайте себя. – Галя украдкой сжала его руку. – Главное без паники. Помните? Они всё равно не уйдут.

– Добровольно не уйдут, – согласился Павел Сергеевич, – но мы можем придумать им ответственное задание. Сейчас как раз начался сезон сбора фруктов. Мы могли бы отправить их на заготовки. Ведь в любом случае колонии потребуются продукты. Да и спешащий на выручку флот – это тысячи воинов, которых тоже неплохо бы угостить лучшими фруктами в Галактике. Убедительно?

– Вполне, – согласилась Галина. – Я постараюсь организовать сельхозотряд. Хотя бы из самых маленьких. Но, боюсь, долго это прикрытие не проработает. Наполнить все холодильные камеры несложно. А отвлекать работников консервного цеха сейчас никак нельзя. Даже малыши справятся с задачей к сегодняшнему вечеру. А чужие прилетят завтра.

– Тем не менее...

– Хорошо, я это сделаю.

Председатель направился к зданию Совета, а Галя в сторону детской площадки. Там, под присмотром двух нянечек, копошилась вся родившаяся уже в новом мире мелюзга. Колония недавно отпраздновала свое семилетие, а потому самому старшему – первенцу Гармонии – было чуть больше шести.

Астахов только начал подниматься по ступеням, когда его окликнули. Павел Сергеевич обернулся и, щурясь от яркого солнца, обвел взглядом занятый различными делами народ. Из ближайшей траншеи выбрался детский доктор Хлюдов. Человек тайно пьющий, раздражительный и даже склонный к антиобщественным поступкам, но всё равно авторитетный.

– Павел Сергеевич, – доктор воткнул в бруствер лопату и вытер ладони о рабочий комбинезон, – хотел спросить, какие новости? Вы так загадочно шептались с Галиной Ивановной. Или это было что-то личное?

– Нет, мы говорили о деле.

Астахову этот педиатр был неприятен. Вечно помятый, небритый, и с всклокоченными волосами, он даже близко не соответствовал плакатному облику колониста. К тому же глаза у него днем и ночью блестели, словно две маслины, а на тонких нервных губах постоянно играла загадочная полуулыбка. Председатель никогда не понимал, почему этого доктора боготворят все мамы в колонии и обожают дети. Возможно, за разнужданность, принимаемую молодыми женщинами за эксцентричность непризнанного гения, а детьми – за веселость? Хлюдов решительно ничем не походил на прочих мужчин-колонистов – суровых, деловых и сильных. Но женщины любили своих надежных мужей и, вместе с тем, сочувствовали доктору. А дети хотели походить на отцов и все равно бежали играть в больничный двор. С точки зрения председателя, это был какой-то парадокс, а сомнительные загадки Астахов не любил. Ко всем прочим недостаткам, этот доктор был разведён, что в колонии не приветствовалось. Причём, его женой была именно Галя. Кто выступил инициатором их разрыва, осталось тайной, но то, что Хлюдов до сих пор ревнует бывшую жену к каждому столбу, видели все окружающие.

– А что там у Валеры? – Доктор недоверчиво прищурился.

– Сигнал устойчивый, – голос Астахова предательски дрогнул. – По нашим расчетам, флот опережает чужаков минимум на сутки. Завтра к вечеру будет здесь.

– Отлично, – Хлюдов криво улыбнулся. – А почему Валера не выходит в эфир городской инфосети? Раньше он сообщал новости сам и у него неплохо получалось.

– В системе Вероны идут бои, ему нельзя отвлекаться ни на минуту, – нетерпеливо оглядываясь на двери, пояснил Астахов. – Фактически Бочкин исполняет обязанности начальника нашей военной разведки и не может покидать такой ответственный пост или отвлекаться на менее важные дела.

– А зачем Галине потребовались малыши? – Вдруг спросил доктор.

– Вы наблюдательны, – председатель поджал губы.

– Это мои пациенты, – доктор пожал плечами. – Естественно, я за них беспокоюсь. Если вы намерены привлечь их к каким-то работам, знайте, я против. И родители будут возражать.

– Мы не собираемся направлять их на рытье канав, – попытался успокоить его Астахов.

– Нет, вы не поняли, – перебил Павла Сергеевича педиатр. – Никаких работ вообще! Это дети, а не подсобные рабочие только маленького роста.

– Я так не думал.

– Думали, – уверенно заявил Хлюдов. – Я неплохо вас изучил, а Галину – тем более.

– Послушайте, Хлюдов, я ценю ваше мнение как детского врача, но сейчас не та обстановка...

– Учтите, я подниму бучу, – перебивая его, пообещал доктор.

– Мы всего лишь хотим организовать им прогулку по фруктовым лесам! – Не выдержал Астахов. – Что в этом такого? Какая разница, будут они бегать по детской площадке или выплеснут энергию на природе?

– И соберут пару тонн фруктов, – убежденно закончил врач. – Исключено.
– Никто не заставит их таскать тяжелые корзины. Для этого с ними отправятся автопогрузчики. Не упрямитесь, доктор. Ничего страшного в этой затее нет.

– Вы что-то скрываете, – Хлюдов погрозил председателю указательным пальцем, как ребенку. – И я узнаю – что, будьте уверены. Ну, хорошо, я поговорю с родителями. Если они готовы отпустить своих малышей в лес, я не стану возражать.

На этом они расстались, но ненадолго. Астахов успел лишь наспех перекусить в буфете, а затем забежать в комнату связи и обменяться с Валерой парой фраз; для более длинного разговора не нашлось темы – гиперэфир молчал. То есть фактически он едва перевел дух после напряженного разговора с дотошным доктором, а на пороге Совета уже стояли Хлюдов и Галина.

– Они требуют, чтобы с группой пошла я, – сразу заявила помощница. – Но у меня и здесь масса дел!

– Иначе ничего не получится, – сказал Хлюдов. – Родители доверяют только вам, сударыня.

– Но почему не ты? – Галя неприязненно взглянула на бывшего мужа. – Ведь от тебя без ума практически все молодые мамыши колонии!

– Я доктор, и мое место рядом с больными, а здоровыми детьми должны заниматься воспитатели, – спокойно возразил врач. – Ты администратор и женщина, родителям такое сочетание внушает доверие. Хоть у тебя и нет собственных детей.

Галина покраснела и отвернулась.

– Значит, так и сделаем, ничего не попишешь, – Астахов развел руками. – Назначьте кого-нибудь вместо себя, Галя, и отправляйтесь с ребятами. У вас, Хлюдов, всё?

– Почти, – доктор усмехнулся. – Но другие вопросы я задам позже.

– Тогда не смею задерживать!

Когда Галя и Хлюдов вышли, председатель устало сел в кресло рядом с Бочкиным и протяжно, с негромким стоном выдохнул.

– До инфаркта доведёт этот эскулап! Или всё испортит. Та ещё сволочь, но люди ему верят. Вот что с ним делать, как заткнуть?

– Держитесь, Пал Сергеич, – негромко сказал связист. – А заткнуть Хлюдова проще простого. Нужно сделать так, чтобы ему перестали верить.

– Легко сказать, – председатель вздохнул и похлопал Бочкина по плечу. – Хотя мысль дельная. Ладно, Валера, как-нибудь справимся.

– Справимся, – Бочкин проводил Астахова задумчивым взглядом, а затем снова уставился в экран и добавил едва слышно: – Проще простого...

До койки Астахов добрался лишь глубокой ночью, но едва он заснул, включился канал прямой связи с домом Совета, и над центром спальни появилось изображение осунувшегося Бочкина.

– Пал Сергеич! Проснитесь!

Председатель с трудом открыл глаза и долго не мог сообразить, где находится и что происходит. Наконец он вырвался из цепких объятий сна и огромным усилием воли заставил себя сесть.

– Валера? Что случилось? Сигнал?

– Да, но не от флота, – связист зачем-то оглянулся. – Приходите скорее!
– Чужие? – Астахова обожгло, словно боевым лазером и он вскочил с кровати, разыскивая взглядом одежду.

– Нет, но это важно!

От сердца немного отлегло. Если не пришельцы и не земляне, значит, кто-то из системы Вероны. Астахов торопливо оделся и пулей вылетел из своего дома. Улицы ночного городка не освещал ни один фонарь и ни одна вывеска – военное положение подразумевало полную светомаскировку, – но для Павла Сергеевича это не стало проблемой. Свой городок он знал до последней трещинки в асфальте. Председатель быстро пересек главную площадь и вбежал в здание Совета.

Поплотнее прикрыв входную дверь, Астахов вошел в комнату связи и уселся напротив Валеры.

– Говори!

– Я поймал аварийный сигнал боевого космолета веронцев, – громким шепотом сообщил Бочкин.

– Так я и знал! Где они? Как они обошли флот чужаков?

– Они прорвались на предельной скорости и сейчас выходят на нашу орбиту. Корабль поврежден, система локации и посадочные программы не работают. Три космонавта тяжело ранены, пилот вроде бы в сознании, но сильно контужен. Он говорит, что попытается сесть на ручном управлении. Просит дать ему посадочный луч. Что мне делать?

– Сажать его, что ж еще? – Астахов потер красные от недосыпания глаза, в них словно насыпали песка.

– Вы решили признаться? Ведь космонавты расскажут правду, и тогда нас постигнет участь Вероны. Начнётся паника. Вы же сами говорили, главное – без паники.

– Я передумал, – Астахов покачал головой. – Выбора не осталось.

- Выбор есть всегда, - Валера насупился. – Я могу посадить их в Сухом логу.

– Далековато, – не сразу разгадав замысел Валеры, сказал Астахов. – Или ты... предлагаешь... скрыть еще и это?

– Тайной больше, тайной меньше, – связист пожал плечами. – Главное не допустить паники.

- Я уже не рад, что научил тебя этой мантре, - Астахов поморщился.

- Это правильная мантра, - Валера ответил твёрдо и взглянул на председателя прямо, а не как обычно искоса. – Мы спасаем всю колонию. Дело стоит любых жертв.

- Не любых, - председатель покачал головой.

- Этой – стоит!

- Валера... ты... - Астахов встретился с радистом взглядом и осёкся. – Хорошо. Я слетаю к ним, отвезу медикаменты, провизию и... постараюсь их убедить, что в ближайшие три дня им лучше держаться подальше от колонии.

- Это плохая мысль.

– Они ранены! – Председатель решительно встал. – По-хорошему, надо подключить к делу одного из докторов.

– Нет, нас и так трое, – возразил Валера. – Чем меньше человек посвящены в тайну, тем надежнее. Это старая истина.

– Неоказание помощи терпящим бедствие это... преступление, – мрачно сказал Астахов. – Понимаешь ты это? Уголовное преступление!

- Сохранение колонии стоит любых жертв, - упрямо повторил Валера.

- А если мы не сохраним колонию?

– А если так, нас будет некому осудить. Простейшая логика.

– Чёрт тебя подери, Валера, - без злости проронил Астахов. – И логику твою заодно. Я поеду, а ты держи язык за зубами.

- Не спешите, - посоветовал Бочкин.

- Не буду, - пообещал председатель, но вышел очень быстро.

Очувтившись на свежем воздухе Астахов вдруг осознал, что все глубже падает в пропасть, но теперь это не вызывает у него в душе никаких отрицательных эмоций, никакой внутренней борьбы или раскаяния. Неизбежность надвигающейся катастрофы словно заледенила сердце и вымыла из души все добрые чувства. Астахов ощущал себя каким-то живым автоматом: лишенным эмоций, рациональным и запрограммированным на одну-единственную задачу – удерживать колонию от паники. До самого конца.

Он побросал в служебную машину большую аптечку, пару фляг с водой и коробку сухих пайков, затем включил электродвигатель и, не зажигая габаритных огней, выехал на южное шоссе. Конечной точкой этой трассы была автоматизированная шахта в местечке Сухой лог. Обычно там дежурили два инженера-вахтовика, которые посменно следили за техническим состоянием горных роботов, но в связи с военным положением добыча руды была приостановлена и Сухой лог обезлюдел.

Пустив магнитоплан над ровной дорогой с максимальной скоростью, Астахов добрался до шахты вдвое быстрее, чем это делали привозившие вахту «вэны», но все равно не так быстро, как могли бы прилететь спасательные самолеты. Место посадки корабля веронцев было хорошо различимо даже без помощи режима ночного видения. Вокруг космолета тлела трава, а сам корабль светился перегретой, покореженной обшивкой. Посадка, судя по всему, вышла жесткая.

Председатель подошел к пышущей жаром груди металла и осторожно заглянул в распахнутый люк воздушного шлюза. Внутренняя диафрагма была тоже наполовину раскрыта. Астахов протянул руку, чтобы дожать створки внутреннего люка и раскрыть его полностью, но металл оказался слишком горячим. Председатель прикинул, сумеет ли пролезть в имеющееся отверстие, и пришел к выводу, что, несмотря на возраст, все еще слишком плечист.

Павел Сергеевич вернулся к машине и порывлся в ее стандартном походном наборе. Там имелось все, что может понадобиться на лоне дикой природы, и скоро Астахов уже орудовал домкратом и ломиком. Створки шлюза подались на пару сантиметров, но в этом положении их заклинило окончательно, и председатель сдался. Для решения задачи требовался специальный инструмент и опытные люди.

Астахов утер пот и взглянул на часы. До рассвета оставался ровно час. Следовало либо возвращаться, либо вызывать спасателей и тем самым ставить на тайне крест.

Председатель сел в машину и запустил двигатель. Оставалось всего лишь положить руку на джойстик управления и нажать ногой на педаль, но Астахов вдруг почувствовал, что не может этого сделать. Бросить четверых раненых внутри

искореженного корабля, обречь людей на верную смерть... это представлялось совсем уже дном гипотетической ямы, в которую он прыгнул позавчера вечером. Но и вызвать спасателей он тоже не мог, ведь это могло стать началом трагической развязки, взрывом, который уничтожит всю колонию.

Председатель стиснул зубы и через силу положил руку на джойстик. Так отвратительно он себя не чувствовал никогда в жизни. Ему вспомнились недавние размышления о ледяном сердце и исчезновении эмоций. Ничего подобного. Сердце осталось прежним, да и чувства никуда не исчезли, просто одно дело – рассуждать, сидя в доме Совета, а другое – принимать тяжелое решение непосредственно на месте, когда от тебя до обреченных людей всего тридцать шагов по выжженной траве.

«Главное – без паники», - вспомнил Астахов свое заклинание. Информация от веронцев, да и просто сам факт их прибытия могли вызвать эту самую панику и разоблачение троицы заговорщиков. Паника, да еще и недоверие к законной власти – это вдвойне опасно.

Председатель развернул машину и вывел ее на шоссе. Решение его звучало кратко, как приговор полевого суда: спасатели будут, но не раньше шести утра. Если космонавты дотянут до того времени, так тому и быть – придется признаться народу в сокрытии правды, а если нет, все останется как прежде.

Спасательная команда обернулась за сорок минут. Солнце даже не успело целиком подняться над горизонтом. Когда самолет сел на больничной площадке, вокруг собрались все, кто пока не разошелся по рабочим местам. Люди смотрели, как спасатели выносят из грузового отсека упакованные в черные мешки тела веронских космонавтов, и молчали.

Астахов стоял рядом с самолетом и слушал обстоятельный доклад командира спасательной группы.

– Когда корабль упал, они были еще живы. Я не криминалист, но мне кажется, что дело не совсем чисто. На диафрагмальных створках внутреннего люка видны свежие царапины. Такое впечатление, что кто-то пытался открыть его подручными средствами, но у него ничего не вышло. Ума не приложу, почему этот горе-спасатель не позвонил нам? Узнай мы о катастрофе вовремя, все веронцы остались бы в живых.

– Быть может, на то у «горе-спасателя» имелись особые причины? – Неожиданно спросил протолкнувшийся сквозь толпу Хлюдов. – Павел Сергеевич, вы как думаете?

– Никак, – председатель хмуро взглянул на доктора. – Теперь можно строить любые предположения, правды мы не узнаем. Да и если узнаем, космонавтов это не воскресит.

Из самолета вышли последние спасатели, но теперь они несли не черный мешок, а носилки, на которых лежал бледный человек.

– Да чего гадать? – Указывая на раненого, сказал командир спасателей. – Пилот уцелел. Придет в себя, расспросим. Вряд ли, конечно, он видел, кто ковырялся снаружи люка, но хотя бы в целом картина прояснится.

– Это верно, – Астахов почувствовал, что краснеет. – Прояснится.

– Ну, ну, – Хлюдов загадочно ухмыльнулся и снова исчез в толпе.

– Павел Сергеевич, Иван, подойдите! – Вдруг крикнул боец спасательной команды.

Как выяснилось, веронский пилот вдруг очнулся и затребовал начальство.

– Я председатель Совета колонии, – Павел Сергеевич склонился над носилками. – Как вы себя чувствуете?

– Отлично, – слабым голосом ответил космонавт. – Я не знаю, сколько у меня в запасе времени, а потому слушайте главное. Земля уничтожена, колонии тоже. Верона разрушена. Чужие направляются к вам. Уходите из города... как можно дальше. Это ваш единственный шанс!

– Но мы принимаем устойчивый сигнал земного флота, – неуверенно возразил Иван. – Он идет к нам на выручку. Так, Пал Сергеич, или я чего-то не понимаю?

– Флот землян полностью уничтожен в битве при Нептуне, – вместо Астахова ответил пилот. – Мы расшифровали перехваты вражеских донесений. Гармония – последний человеческий анклав в новых владениях чужаков. Но скоро они прилетят и превратят вашу колонию в пепел. Уходите в леса, в горы... спасайтесь, пока не поздно.

– Но как же гиперсигнал?! – Иван схватил Астахова за плечо и резко развернул к себе лицом. – Павел Сергеевич, объясните, чей сигнал ловит наш приемник?!

– Я... – председатель опустил взгляд.

Признаться в такой чудовищной лжи у него не поворачивался язык.

– Валера?! – Вдруг решил командир спасателей. – Это его глупая шутка, так?! Что же вы, Пал Сергеич, не могли заглянуть в экран его компьютера?

– Я в этом мало что понимаю, – пробормотал Астахов, в душе проклиная себя за трусость.

– Ну, зато я отлично всё понимаю! – Взревел Иван. – Придушу этого Бочкина! Космонавт, не отключайся! Кто давал тебе добро на посадку?

– Я не знаю, – пилот говорил совсем тихо. – У нас отказали почти все навигационные приборы. Нас вёл по лучу какой-то диспетчер. Но потом луч ушел в сторону, и мы упали.

– Вот гад! – Командир спасателей окончательно разъярился. – Это тоже Валерка сделал, больше никому! И в люке тоже он, зараза, ковырялся, как пить дать! А когда не справился, нас вызвал. Козел!

– Мягко сказано, – внимательно наблюдая за реакцией Астахова, заявил вновь возникший поблизости Хлюдов. – Это со стороны Бочкина была преступная халатность, если не что-то большее. Ведь тут как повернуть. Можно квалифицировать и как предумышленное убийство. А если у него имеются сообщники, то ещё хуже – совершенное в группе, по предварительному сговору. Так, Павел Сергеевич?

Астахов промолчал. Всё происходящее казалось ему чем-то нереальным. Кошмарным сном наяву.

– Надо его допросить! – Иван набрал на инфобраслете номер полицейского участка. – Фил, есть дело! Дуй в Совет, Валерку придержи, чтобы не сбежал.

– Ты чего, перегрелся? – Недовольно буркнул полицейский. – Что стряслось?

– Что, что... там узнаешь, что!

– У меня тут дел...

– Бегом!
– Ты чего это раскомандовался? Некогда мне по пустякам бегать. Отвяжись.
– Фил, – чуть спокойнее произнес Иван. – Тут такой шум намечается, мало не покажется, поверь. Ты же знаешь, я без причины не воспаляюсь.
– Ладно, – после некоторой заминки согласился полицейский. – Убедил. Иду.
Путь от приемного отделения больницы до комнаты гиперсвязи в Совете показался Астахову длиннее марафона. Ноги словно одеревенели, сердце колотилось, а во рту пересохло. К моменту когда возглавляемая Иваном и Хлюдовым делегация ввалилась во владения Бочкина, председатель находился уже на грани нервного срыва.

Увидев гостей, Валера понял всё без комментариев. Он потёр уставшие глаза и встал. Делегация замерла на пороге, пропустив вперед Астахова. Председатель встал слева от Ивана и Хлюдова. Командир спасателей почему-то замешкался, и инициативу перехватил доктор:

– Ну что, Валера, доигрался?
– погоди, – остановил врача Иван. – Бочкин, ты когда ел в последний раз?
– Я? – Валера пожал плечами. – Не помню... мне как-то не хотелось.
– Ты что же, отсюда и не выходил?
– Нет, почему... – связист замялся. – Ну, в туалет. Я же сигнала ждал. Нельзя было.
– А спал ты когда?
– Чтобы всё проспать? – Валера невесело усмехнулся. – Все работают, а я тут сижу. Можно и потерпеть.
– Где, что, почём? – В комнату протиснулся Фил. – Кто нарушитель? Иван, ты обещал преступление века.
– Я погорячился, – ответил спасатель. – Но ты не уходи. А ты, Валера, рассказывай.

– Да что рассказывать? – Связист виновато взглянул на пунцового от напряжения Астахова. – Сначала всё было нормально, устойчивый сигнал от флота и вообще. А потом он вдруг пропал. Я подумал, что нас кто-то глушит, но ведь это не радиоэфир, это гиперсвязь, ее заглушить невозможно. А через час пришло сообщение с Вероны... что Земля погибла и всем нам скоро крышка. Ваня, пойми, я не поверил, думал – ошибка. Все диапазоны проверял-перепроверял, а когда понял, что это правда, струсил. Не хватило у меня духа сообщить вам такую весть. Я понимал, что лично я-то ни в чём не виноват, а всё равно не смог. А когда вроде бы успокоился и собрался, стало поздно. Пал Сергеич рассказывал, как вы пашете, как верите, что флот на подходе...

Голос у Валеры сорвался. Иван сочувственно кивнул и промолчал.

– Дела-а, – озадаченно протянул Фил.
– А с кораблем что произошло? – Недоверчиво поинтересовался Хлюдов.
– Запросили посадку, но я решил, что это меня выдаст, и дал им вектор на Сухой лог, а после у меня луч отклонился... как получилось, не пойму, я же не диспетчер. Они выжили?
– Не все, – задумчиво глядя на Валеру, ответил Иван. – Значит, к месту катастрофы ты не ездил?

– Я... – Валера снова коротко взглянул на Астахова. – Нет... я здесь сидел.

– Вранье! – Неожиданно выкрикнул Хлюдов. – От первого до последнего слова! Всё вранье! И тебя, Бочкин, оно не спасет! Лучше признайся, кто тебя надоумил увести корабль подальше от колонии? Кто приказал тебе молчать о том, что связь с флотом прервалась? Говори! Кто?! Председатель? Или Галина?!

– Я сам, – связист поднял взгляд на Ивана. – Я готов отвечать.

– Ответишь, – пообещал спасатель. – Когда с пришельцами разберемся.

А пока... Фил, ты в гиперсвязи смыслишь?

– На уровне рядовых технических войск, – полицейский почесал в затылке. – Но тут-то все просто, это ж для людей техника, а не для военных.

– Вот и садись за пульт, шутник, – недовольно приказал Иван, в прошлом офицер-космодесантник.

Валера заложил руки за спину и, вздохнув, отошел от компьютера.

– У меня дела! – Предупредил полицейский. – Час, от силы, здесь могу подежурить.

– Ничего, посидишь до обеда, – решил Иван. – Валера хоть поест да вздремнет немного.

– А после назад сюда же? – Снова вмешался Хлюдов. – Как вы можете ему доверять?!

– Можем, – отрезал Иван. – Он все осознал. Так, Бочкин?

– Да... – не поднимая глаз, выдохнул Валера.

– Но учти, я буду лично присматривать за тобой.

– Детский сад! – Возмутился доктор. – Ещё в угол его поставьте! Благородные рыцари нашлись! А вы, Астахов, что молчите?! Расскажите правду. Или что, слабо?!

– Хлюдов! – Рывкнул Иван.

– Чего?! – С вызовом отозвался врач.

– Идите на... своё место!

– Я-то пойду, – зло шурясь, проронил доктор. – Моё место без меня никто не займет. А вот на месте Фила, я провёл бы расследование! Это ведь заговор чистой воды! Заговор и убийство! Смотрите, как всё ловко подстроено: один организовал крушение, другой прикрыл, а кто-то ещё проверил, не остались ли выжившие! Астахов, кто этот третий? Тот, кого нет в городе, да? А вернее – та, которой здесь нет?!

– Доктор, вы о чем? – Насторожился Иван.

– О том, что очень скоро ко мне сплошным потоком пойдут раненые и обожженные! – Багровея проорал Хлюдов. – А всё потому, что несколько заговорщиков решили за всех, что делать дальше! Хотите убедиться, что я прав?! Найдите Галину! Она не такая упрямая, как эти... двое... она расскажет правду!

– Хлюдов! – Вновь гаркнул Иван. – Прекратите этот цирк! Пинкертон нашёлся! Идите к себе!

– Иду, – доктор резко сбросил обороты и направился к двери, но всё-таки бросил прощальный взгляд на Астахова и погрозил ему пальцем. – Вам это с рук не сойдёт, не надейтесь! Вы за всё ответите!

Больше он ничего не добавил и вышел. Следом за Хлюдовым побрёл усталый Бочкин. Астахов проводил его взглядом. Валера сделал, что мог, но всю вину ему было на себе не вытянуть. Теперь – не вытянуть.

Взгляд Астахова переместился на окно. За ним происходило совсем не то, что хотелось бы увидеть Астахову.

– Иван... – председатель кивком указал на окно.

Спасатель встал рядом с Астаховым и замер в изумлении, граничащем с растерянностью.

Практически все работы в городе остановились, а люди в спешном порядке распахивали имущество по кузовам и салонам легковых машин, «вэнов», больших магнитопланов и самолетов. Кто-то скандалил, кто-то пытался вышвырнуть чужой скарб из набитого почти под завязку автобуса. Где-то вдалеке послышался звон разбитого стекла и истошные вопли – первые признаки надвигающегося хаоса. Через площадь в разных направлениях то и дело пробегали подростки, но не так, как обычно, ради разрядки, а явно выполняя какие-то родительские поручения. По западной трассе в сторону фруктовых лесов потянулась вереница легковых машин без прицепов и нагруженного поверх кабин барахла. Астахов догадался, что это родители малышей отправились за своими чадами.

В душе у председателя шевельнулось тревожное предчувствие. Валера повел себя как настоящий мужчина и не выдал сообщников, Галя осталась вне подозрений, но все равно что-то Астахова тревожило. Быть может, угроза этого ненормального доктора? За себя председатель не опасался, Хлюдов был не в той весовой категории, чтобы причинить Павлу Сергеевичу хоть какой-то вред, но если этот нервный эскулап решит выместить всё на Гале... беды не миновать! Ведь она уже давно работала помощницей у Астахова, и доктор имел все основания подозревать, что между председателем Совета и секретарём существуют связи более деликатные, чем чисто деловое партнерство. Эту тему, кстати, в колонии уже давно трепали злые языки. Жена Астахова умерла в период адаптации колонистов на Гармонии, а Галя была разведена. Работали председатель и его помощница дружно. Немудрено было предположить, что всё не так уж однозначно.

– Словно и не было никакого братства по оружию, – огорченно произнес Иван. – Их надо остановить. Бегство не имеет смысла. Без технологий, машин и инструментов мы обречены на медленное вымирание, а всё необходимое нам не вывезти.

– Каждый волен поступать так, как считает правильным, – возразил Астахов. – Нам не удалось принять решение за всех, значит, такова наша судьба.

- То есть, Хлюдов был прав? – Иван покосился на председателя. – Вы знали обо всём и скрыли это?

- Да, я знал.

- А о веронцах?

- Нет, - Астахова едва не стошнило от собственного малодушия, но он сдержался.

Понял Иван, что председатель врёт, или не понял – история умалчивает. Спасатель какое-то время молчал, затем вздохнул и с досадой ударил кулаком в ладонь.

– Как все это нелепо! Бессмысленно! Вы тоже присоединитесь к беглецам?

– Я останусь, – председатель взглянул на первые машины, прибывшие из фруктового леса. – Пойду, узнаю, как там наш урожай и попробую поговорить с народом.

– А я проверю, кто из ополченцев не поддастся панике, – решил Иван. – Фил, ты как, останешься?

– Так точно, – полицейский честно посмотрел в глаза Ивану. – Я же начальник полиции.

Едва Астахов и командир спасателей покинули здание, Фил сорвался с места, прыгнул в стоящую у крыльца Совета машину и помчался домой. Там его ожидала гора чемоданов и беременная двойней зареванная жена.

На бесполезные разговоры с народом ушло часа два. Председателя просто никто не желал слушать. Зато с удовольствием слушали Хлюдова, который, как нарочно, слонялся по городу параллельным маршрутом. Дотошный врачеватель не сомневался, что верно установил личности тех, кто отдал приказ Валере, и пусть у него не было веских доказательств, это не мешало Хлюдову распространять среди людей слухи. А сплетни и слухи это информация, не требующая подтверждения. И что самое отвратительное – такая информация зачастую имеет гораздо больший вес, чем факты и логичные аргументы.

Не охваченной докторской пропагандой оставалась только одна точка – вокзальная площадь, и Астахов поспешил туда, в надежде перехватить людей, которые возвращались из фруктовых лесов.

Ещё издали Астахов заметил, что вернувшиеся из леса родители ведут себя как-то странно. Прячут взгляды, о чем-то шепчутся и торопятся разойтись по домам. Последнее было объяснимо – охватившая колонию нервозность подталкивала народ в спины, как попутный ветер. Все спешили убраться из города подальше. Но причин перешёптываться, и коситься на председателя у них не было. Если только их не обработал всё тот же Хлюдов.

Так думал Астахов, пока не увидел глаза вернувшихся родителей. В них был страх и запоздалое раскаяние. Внутри у председателя похолодело от недоброго предчувствия.

Он поискал взглядом Галю. Ее среди вернувшихся не оказалось, хотя приехали уже почти все. Павел Сергеевич вышел к обочине дороги и попытался рассмотреть что-нибудь в перспективе идеально прямого шоссе. Ни одной машины.

– Мама, а дядя доктор поедет с нами? – Донеслось до Астахова издалека.

– Нет, милая, он поедет в другое место.

Председатель оглянулся и поискал взглядом Хлюдова. Он отчетливо видел его в толпе, когда шел через площадь, но сейчас врач куда-то пропал. Накрутил городских колонистов против законной власти и помчался сеять смуту среди вахтовиков и фермеров? Большинство из них работали на строительстве укреплений в городе, но часть ещё оставалась на своих привычных рабочих местах.

Астахов скрипнул зубами.

«И так обстановочка на грани взрыва, так еще этот баламут окончательно сдвинулся. Революционер хренов! Но где же Галя?»

Нехорошее предчувствие снова кольнуло под сердцем, и председатель почти бегом отправился во двор здания Совета.

Магнитоплан стоял на месте, но у него почему-то оказалась незакрытой задняя дверца. Астахов не придал этому особого значения; возможно, кому-то

понадобилось что-то из инструментов или он сам забыл хлопнуть дверцей, когда вернулся из злополучной поездки в Сухой лог. Председатель сел в машину и вырулил на западное шоссе.

Проезжая по городу, он старался не смотреть по сторонам. Астахову было невыносимо видеть, как граждане, ещё вчера такие дружные и отчаянно смелые, бегут, словно крысы с тонущего корабля. Когда город остался позади, председатель даже облегченно вздохнул. Машина развила предельную скорость, и спустя всего пять минут справа замелькали стройные стволы фруктовых деревьев. Астахов свернул на боковую дорогу, и она привела его к заготовительной площадке.

Председатель вышел из машины и приблизился к большому штабелю пластиковых корзин. Часть из них была наполнена сочными фруктами, часть пустовала, но признаков поспешного бегства Астахов не обнаружил. Он обогнул штабель и понял, в чем дело. По опустевшей площадке сновали два не выключенных робота. Они подбирали разбросанные фрукты, укладывали их в корзины и аккуратно составляли наполненные емкости на погрузочные платформы, как и было предписано программой.

«Без техники мы обречены на медленное вымирание...» – вспомнились председателю слова Ивана. Возможно, так оно и было. Оторванные от цивилизации колонисты оставались людьми своего времени и просто не представляли себе жизнь без электроники и механизмов даже здесь, на девственной планете, где ещё семь лет назад не было ни одного человеческого следа.

«Но где же Галя?» Астахов обошел площадку по периметру и, постояв немного, направился в лес. Ничего примечательного вокруг не было. Никаких следов Гали, никаких подозрительных предметов или хоть чего-то, что помогло бы отыскать женщину среди ароматных зарослей. Председатель хотел уже вернуться на площадку и покричать, как вдруг в поле его зрения попала странная кучка плодов. Перезревшие фрукты обычно не задерживались на ветках, падалица устилала лес сплошным ковром, но в этих плодах было что-то не то. Они не выглядели перезревшими и лежали, образуя небольшой холмик. Астахов подошел к горке, присел и отбросил пару плодов в сторону.

Долго трудиться ему не пришлось. Когда он отбросил десяток фруктов, из-под их сладкого слоя что-то сверкнуло. Председатель взялся за дело обеими руками, и скоро на свет показалась изящная женская кисть. Бледная, с чуть посиневшими ногтями и с золотым колечком на безымянном пальце.

Когда Астахов вернулся в город, исход колонистов уже принял бесповоротный и массовый характер. Искать в такой обстановке правду было невозможно. Председатель подъехал к больнице и подогнал машину кормой к самым дверям приемного покоя. Двери почему-то оказались заперты. В колонии вообще было не принято запирают двери, даже в домах, а тут больница и вдруг на запоре. Председатель громко постучал, но открывать ему никто не спешил. Астахов постучал еще, затем еще, и лишь после того, как он начал бить в дверь каблуком, откуда-то из глубины здания послышался недовольный голос, и раздались шаги.

– Чего? – Не отпирая, спросили из-за двери.

– Откройте! – Приказал Астахов.

– Зачем?

– Я привез больную!

– Пал Сергеич? – Двери распахнулись, и на пороге возник Хлюдов.

Он был основательно пьян, спиртным несло за версту, но на ногах пока держался.

– Что вы здесь делаете? – Строго спросил председатель.

– Я? – Удивился доктор. – Дежурю. А вы?

– Дежурите? В таком свинском виде?

– Ой, ой, – Хлюдов, кривляясь, поклонился, – пришла выс-сокая инспекция!

Пожалте! Устройте мне разнос!

– Хлюдов, прекратите паясничать!

– А то что? – Доктор выудил из кармана бутылочку с прозрачной жидкостью. – Хотите взбодриться? Чистый медицинский. Нет? А зря. У вас была такая трудная ночь и напряженное утро! Глотните! Всё равно же пропадёт! Вы как думаете, Астахов, пришельцы пьющие?

– Что вы несете?! – Председатель поморщился. – Где остальные врачи?!

– Остальные? – Хлюдов глотнул прямо из горлышка, крикнул и поднял на Астахова красные глаза. – Остальные э... вку... эваук... уируются. Нет, в общем, остальных! А что, вы мне не доверяете? Пра-ально. Я вам тоже не доверяю. Сначала вы у меня Галку увели, потом нас всех под монастырь подвести хотели. Что, скажете, я не прав? Галка змеища, конечно, но она моя жена! Понимаете, Астахов, моя! Моя, а не ваша!

Он попытался ухватить председателя за рубаху, но тот пресек пьяный выпад и сам прижал доктора к стене.

– Хлюдов... – председатель надавил предплечьем доктору на горло. – Вы знаете, где сейчас ваша жена?

– Сука... – прохрипел Хлюдов. – Я догадываюсь.

– О чем ты догадываешься, скотина?! – Астахов усилил нажим.

– В твоей... койке... – глаза у доктора полезли на лоб.

– Вперед! – Председатель швырнул его к дверям. – Открой багажник, сволочь!

Доктор, слегка протрезвев, доковылял до машины и нехотя поднял заднюю дверцу. Несколько секунд он стоял, тупо глядя на тело бывшей жены, а затем издал сиплый звук, словно из него выпустили весь воздух, и шагнул назад.

– Это... не я!

– Ты ездил в лес?!

– Я... да... нет! Я уговаривал ее поехать со мной, но она отказалась! И тогда...

– И тогда ты ее задушил?!

– Я просто вернулся! – Доктора затрясло, а голос у него сделался визгливо-сиплым. – Это подтвердит любой, кто был на сельхозплощадке! И не смейте меня обвинять!

Хлюдов вдруг стал на удивление трезвым. У Астахова даже мелькнула мысль, что вначале он больше изображал пьяного, чем был таковым на самом деле.

– Ты хорошо устроился, все твои свидетели разъехались, – усмехнулся председатель и медленно двинулся на Хлюдова. – Но меня ты не проведешь!

– А-а, понима-аю, – Хлюдов злобно прищурился и погрозил ему пальцем. – Лучшая защита – нападение? Только не выйдет ничего, господин председатель!

Думаете, нашли кого послабее и теперь можно все грехи на него списать? Не получится! Я не Бочкин, я за вас отдуваться не намерен! Ведь это вы ее убили! Сами! Чтобы никто о вашем заговоре не проболтался. А теперь на ревнивого мужа списать хотите?! Не получится! Я вам не Галя, я буду драться!

– Что ты несешь, идиот?! – Взорвался Астахов, надвигаясь на доктора со сжатыми кулаками. – Что ты мелешь?! Совсем уже мозги проспиртовались?

– А что? – Врач попятился, а затем проворно отпрыгнул вглубь приемного покоя. – Скажете, не так было?! Сначала вы скрыли правду о катастрофе, затем оставили пилотов умирать, ну и что вам стоит убить свидетеля? До Валеры вы пока не добрались, он на виду, но и его черёд придет! Когда вы планируете его убрать? Как только начнётся бомбежка, да?!

– Я тебя... я тебя сейчас... – Астахова просто трясло от гнева.

– Что вы меня «сейчас»? – Хлюдов вдруг прекратил отступать и вынул из-под полы короткий, но увесистый ломик. – Стоять! Ещё шаг – и я тресну тебе в лоб!

Доктор замахнулся монтировкой и чуть подался вперёд. Председатель остановился. Но не потому, что испугался угрозы. Он узнал эту железяку. На ней крупно был выбит номер его машины.

– Узнал? – доктор ухмыльнулся. – И домкрат у меня. В надёжном месте. Только попробуй меня тронуть, и подробный рапорт о твоих художествах ляжет на стол Ивану Алексееву! Вот уж удивится наш доблестный спасатель. Особенно, когда обнаружит по указанному в рапорте адресу домкрат, царапины на котором полностью совпадают с таковыми на шлюзе веронского корабля. А будешь и дальше меня задевать, я твою вину в убийстве Галины докажу! Назад!

Астахов разжал кулаки и сделал пару шагов назад. Насколько до приезда в больницу он был уверен, что Галю убил Хлюдов, настолько он не верил в это сейчас. Доктор был полнейшим дерьмом и жену свою давно уже не любил и даже не ревновал, а лишь бесился оттого, что она его бросила, но Астахов чувствовал, что убийца не Хлюдов.

Но кто, если не врач? Кому помешала эта безобидная женщина? Попала под горячую руку колонистам, забиравшим с лесной площадки своих детей? Перед ними она ни в чём не провинилась. Тогда кто?!

Председатель подошёл к машине и осторожно поднял тело Галины на руки.

– Куда отнести? – Мрачно спросил он, не глядя на доктора.

– В морг, – Хлюдов тоже обмяк и вяло шевельнул рукой, указывая направо по коридору. – Вторая дверь.

Иван встретил Астахова на пороге недостроенного командного бункера. Как-то само собой получилось, что бывший офицер назначил себя командиром оставшихся в колонии ополченцев, и никто этого решения не оспорил. Спасатель был сосредоточен и деловит, но не особенно бодр. Объяснялось это просто: в подчинении у нового командующего силами самообороны Гармонии осталось не больше двух десятков человек.

– Боевые возможности колонии сведены к минимуму, – проводя председателя по бункеру, сказал Алексеев. – На постах остались только несколько романтиков-подростков, им я доверил импульсные пушки и боевые лазеры, да несколько

колонистов из бывших военных сидят на пультах ракетных установок. Один залп мы дадим, а вот дальше...

– А дальше будем молиться, – негромко закончил Астахов.

– Вы умеете? – Спасатель покачал головой.

– Этот бункер выдержит ответную атаку?

– Нет, – честно признался Иван. – Это пока лишь остов сооружения. Впрочем, мы всё равно не смогли бы его достроить. Слишком мало было времени. А как там дела у Валеры? Я хотел установить прямую связь с его компьютером, но в программах новой секретной техники не разбираюсь, а все специалисты по этой теме уехали.

– Валера уже на месте. Выглядит, правда, не лучше, чем утром, но все-таки вздремнул, поел. Теперь снова пялится в экран и перебирает диапазоны. Кроме чётких отметок флота чужаков, ничего не обнаружил. Фил, кстати, сбежал. Радиоузел пустовал пять часов подряд.

– Мне доложили, – Иван поморщился. – У Филя жена на девятом месяце. Конечно, это его не оправдывает, но... Надеюсь, за это время мы ничего не пропустили.

– Ну, раз сигнала не было почти двое суток, логично предположить, что не поступил он и в последние пять часов. Я проверю записи, если будет время.

– Больше ничего не произошло? Кто остался в городе?

– Только Хлюдов. А из происшествий... – председатель тяжело вздохнул. – Погибла Галина.

– Как?! – Иван остановился. – Что значит – погибла?!

– Я пока точно не знаю – как, Хлюдов отказывается делать вскрытие.

– Это же его долг!

– Это его жена, понять можно. К тому же он педиатр, а не патологоанатом.

– Но предположение у вас имеется? Одно дело, если произошел несчастный случай, а если это убийство? Когда человек умирает насильственной смертью, стоит задуматься, а не грозит ли опасность другим людям.

– Я это понимаю, – Астахов неуверенно пожал плечами, – но я не судмедэксперт. У неё на шее какие-то пятна, похожи на следы пальцев. Первой была мысль об удушении, но, может, это трупные дела?

– На шее спереди? На горле? – Уточнил Иван. – А лежала она на спине?

– Да.

– Тогда это пальцы, – он раздраженно ударил кулаком в ладонь. – Всё к одному! Если б не чужаки, нашел бы гада и вздёрнул на ближайшем фонаре! А теперь уйдет, скотина, безнаказанным. Наверное, на это и рассчитывал. Вы, кстати, не думали, что это сам Хлюдов?

– Думал, но потом отказался от этой версии.

– Почему? Он же её фактически преследовал.

– Доктор у нас как бенгальский огонь. Шипит громко, светит ярко, но обжечь... слабоват он характером.

– А что крыша у него не на месте, вас не смущает? Чокнутые ведь без всякого характера могут такое натворить, на что здоровому в жизни не решиться.

– С крышей у него полный порядок, – возразил Астахов. – Показуха это. Он только на публике такой эксцентричный, а в приватной обстановке – человек как

человек. Только комплексующий. Он, чтобы вы знали, даже и не сильно-то пьющий. По-моему, это он тоже сам придумал, для показухи. Имидж такой себе создал.

– Странный имидж. Обычно люди хотят казаться лучше, чем они есть, а этот...

– Что так, что этак – маска, – председатель заложил руки за спину и подошел к боевому экрану главного противоорбитального лазера. – А лучше или хуже – не принципиально. Для доктора главное быть не как все. Когда кругом были сплошь крутые первопроходцы, он изо всех сил старался быть полной противоположностью им. Теперь все герои разбежались по лесам, а он остался. Я подозреваю, что из той же вредности.

– Может быть, и так, – Иван кивнул, – а возможно, не настолько он слаб характером.

– В любом случае, без криминалистов нам не справиться. В лес, кроме Хлюдова, ездил масса народу. Прямых улик против доктора нет.

– Да и не успеем мы, похоже, в детективов поиграть, – Иван указал на возникшую посреди оперативного зала голограмму орущего что-то Бочкина. Звук почему-то не включился, но всё можно было прочесть по губам.

– Что со связью? – Председатель взглянул на ополченца, сидевшего за главным компьютером.

– Какие-то помехи... – боец побледнел и нервно вытер ладони о комбинезон. – Серьёзные помехи. Много источников.

– Бочкин, беги сюда! – Приказал Астахов.

Валера, видимо, тоже не расслышал слов, но председатель проиллюстрировал приказ жестом, и связист понимающе кивнул.

Бежать было всего ничего, сто метров, однако Бочкин ухитрился потратить на преодоление дистанции целую минуту. Астахов уже решил, что Валеру пора идти искать, но тот всё-таки добежал и, спотыкаясь, ввалился в оперативный зал.

– Чужие на орбите! – Выкрикнул он, падая в свободное кресло за пультом управления малой зенитной батареей.

– Ясно, – Иван набрал в грудь побольше воздуха и гаркнул так, что затряслись столы: – Боевая тревога! Приготовиться к отражению атаки! Орудия в режим повышенной мощности, ракеты к старту! Активировать лазерные прицелы!

– Вижу цель! – Звонко выкрикнул один из юных операторов.

– Вижу цель... – словно эхо пронеслось по залу.

– Много их, – негромко констатировал Бочкин.

– Валера, беги обратно, – Астахов потрепал связиста по плечу. – Ты нужен нам за компьютером гиперсвязи.

– Да он больше не работает, – Бочкин как обычно покосился на председателя, а затем на Ивана. – Я между делом написал проверочную программку... и теперь точно знаю, в чём загвоздка. Чужие блокируют сигнал.

– Постой, как это – блокируют? – Удивился Иван. – Ты же говорил, что заглушить гиперэфир невозможно.

– Невозможно для нас, а им, видимо, это раз плюнуть, – равнодушно ответил Валера.

– Раз плюнуть? – На лице у Ивана вдруг появилась улыбка. – Раз плюнуть! А ну, связист, дай телефончик!

– Да не работает он, я ж говорю, всю связь, звери, глушат, - Бочкин взглянул на спасателя чуть удивлённо. – И радио, и гипер, и луч. Одна оптика работает.

– Ах да... В таком случае, Валера, слетай-ка в больницу и приведите мне с Хлюдовым того полумертвого веронца!

– Зачем? – Ещё больше удивился Бочкин.

– Есть у меня одно подозрение... – негромко начал Иван, а затем повысил голос и пробасил уже на весь бункер: – Есть у меня подозрение, что пропавший сигнал от флота – чистейшая липа! Пришельцы заглушили гиперэфир, а все данные с Вероны и рассказ пилота – дезинформация, чтобы нас психологически сломить и взять колонию без боя! Но у чужаков этот номер не пройдёт!

Среди операторов и бойцов наметилось оживление.

– Так что, получается, флот будет? – С надеждой спросил Бочкин.

– Точно, Валера! Не напрасно ты упорствовал! Тащи этого веронца, спросим, кто он на самом деле!

По бункеру разлился гул радостных голосов.

– Я пойду с ним, – вызвался Астахов. – Мало ли что.

– Вот, возьмите, – Иван протянул им обоим по небольшому пистолету.

– Не надо, он же ранен, – попытался отмахнуться председатель.

– Не факт, – Алексеев вложил пистолет ему в руку. – К тому же мы не знаем, кто он на самом деле. А вдруг это не предатель, а замаскированный пришелец?

А чужие – те ещё твари, голыми руками их не взять. Я, когда служил, сталкивался.

– Хорошо, – Астахов сунул оружие в карман. – Валера, идем.

Пока они бежали через площадь, председатель успел бросить короткий взгляд на безоблачное небо. Близился полдень, но на небе сияли звезды. И с каждой секундой их становилось всё больше. Теперь у Павла Сергеевича не осталось никаких сомнений: чужаки вышли на орбиту Гармонии.

В больнице было по-прежнему прохладно и тихо. Председатель заглянул в кабинет дежурного врача, но Хлюдова там не обнаружил. Не оказалось его и в отделении реанимации. Астахов заглянул в бокс, где должен был находиться веронский пилот. Там тоже было пусто.

– Валера, – председатель вынул из кармана пистолет, – будь внимателен!

– Я что-то слышал, – шепнул связист, указывая на двери в морг.

– Прикрой меня, – сказал Астахов, разворачиваясь к дверям и поднимая оружие.

– Как? – Валера растерялся. – Я не умею.

– Как в кино! За мной!

Председатель резко толкнул дверь и первым ворвался в холодное помещение. Прямо у порога лицом вниз лежал Хлюдов. Затылок у него был в крови. Рядом с телом валялась окровавленная монтировка с номером машины Астахова. Та самая, которой доктор угрожал председателю.

Сначала Павел Сергеевич решил, что Хлюдова ударил веронец, но очень скоро он изменил своё мнение. Дело в том, что звуки, услышанные Бочкиным, были шелестом черных пластиковых мешков. «Погибшие космонавты» спешно

выбирались из «упаковки» и сползали с металлических секционных столов. Помогавший им «пилот» резко обернулся к Астахову и оскалился.

– Стой на месте, землянин! – Прорычал он, выпуская из-под вполне человеческих ногтей длинные острые лезвия-когти.

Вот именно в этот миг Астахов и осознал, что Хлюдова отоварил вовсе не этот фальшивый космонавт. Замаскированный под человека чужак не стал бы тратить время на поиски другого оружия. Ему было удобнее и привычнее использовать свои лезвия-когти. Из чего следовал вывод, что Хлюдову досталось от кого-то другого. От кого? Для Астахова это больше не являлось загадкой.

События последних сорока восьми часов промелькнули в сознании, словно фрагменты музыкального клипа. Известие о приближающейся беде, ударное строительство укреплений, пропавший сигнал, отчаяние, мучительные переживания, погибшие веронцы, Галя, напряженное ожидание атаки, прозрение. Всё это больше не казалось каким-то кошмарным сном. Председатель чувствовал, что просыпается.

«На доктора напал тот, кто убил Галину, - осознал Астахов. – Валера! Вот почему он так долго бежал от здания Совета до бункера. И сейчас Бочкин стоит позади меня, вооруженный пистолетом! Пустит ли он в ход оружие, чтобы убрать последнего свидетеля? Это известно лишь ему самому и господу богу. Мне остаётся надеяться, как это ни парадоксально, на... чужих! Если они нападут чуть раньше, чем убийца примет решение, у меня появится реальный шанс уцелеть. Вот ведь, угораздило!»

Астаховым вдруг овладело полнейшее спокойствие. О чём волноваться, когда нечего терять? Правильно, не о чем. Павел Сергеевич направил пистолет на чужака и выстрелил.

Пистолет оказался мал, да удал. Голову «пилоту» будто бы срезало бритвой. Три его соплеменника попытались броситься на Астахова разом, но их атака сорвалась. Расстояние для одного эффективного прыжка оказалось слишком велико, а к председателю присоединился Бочкин. Расчёт Астахова был верным. Что бы ни творилось в больной голове у Валеры, приоритеты он расставил правильно. Люди стреляли в корчащихся на каменном полу чужаков, пока едкий дым от горящей инопланетной плоти не заставил стрелков отступить в коридор.

– Сейчас!

Валера опустил оружие и снова заглянул в «холодную». Там он пошарил рукой по стене слева от двери и нажал какую-то кнопку. Загудела вытяжка, и спустя минуту дым развеялся. Тела чужаков были исполосованы импульсами вдоль и поперек. Все четверо были мертвы.

- Вот так! – выкрикнул Астахов. – Получите и распишитесь, твари!

Былое спокойствие вдруг улетучилось и Павла Сергеевича нешуточно затрясло. А между тем он отлично понимал, что устранена только половина проблемы. Чтобы скрыть крупную дрожь, он ухватил пистолет двумя руками и направил его на Валеру. Далее следовало приказать радисту бросить оружие, но от избытка адреналина ещё и перехватило глотку. Астахов смог лишь что-то невнятно просипеть.

Впрочем, Бочкин понял всё без лишних слов. Он бросил пистолет, понимающе кивнул, а затем понуро свесил голову.

- Догадались, да? – У Валеры в голосе не было ни оттенка эмоций. Ни положительных, ни отрицательных. Словно это был голос и не Бочкина вовсе, а компьютера. – Я... как лучше хотел... ради колонии. Простите.

- Вытаскивай его, - прохрипел Астахов, кивком указывая на доктора.

Бочкин схватил под мышки тело Хлюдова и вытащил его в коридор. Астахов присел над доктором и пощупал шею.

– Пульс вроде бы есть, - председатель спрятал пистолет в карман и ухватил доктора за ноги. – Давай, отнесем его в палату.

– Жаль, не удалось никого из тварей захватить, – кряхтя от тяжести, сказал Валера.

И снова в голосе у Валеры не появилось ни одной лишней нотки. Он не волновался, не переживал, и вообще говорил, как обычно. Будто бы не было схватки с врагом, предшествующих ей преступлений и последующего разоблачения. Неужели Бочкин не понимал, что ему грозит? Или рассчитывал всё-таки убраться последнего свидетеля и списать всё на пришельцев?

Едва доктор очутился на койке, Астахов вновь достал пистолет и сделал пару шагов назад.

- Надо было захватить одного, я про глушилку спросил бы, - сказал Валера, равнодушно глядя на оружие в руках у Астахова. – Чтоб в следующий раз знать, как эту проблему обойти.

– Захватить, - Астахов, как сумел, усмехнулся. – Ты видел их когти?

– Нет, не успел разглядеть, а что, длинные?

– И острые, как ножи. Они потому и не прихватили с собой никакого другого оружия. Рассчитывали, что по-тихому всех нас вырежут, пока мы на небо таращимся.

– Тогда не жаль.

Бочкин вздохнул и заложил руки за спину. Астахов кивком одобрил его поведение и указал стволом пистолета на дверь. Валера двинулся к двери, но вдруг притормозил и покосился на Астахова.

- Можно, пока наши не высадятся, я как бы... своим буду.

- Ты и так свой, - Астахов опустил оружие. – Бежать не надумал?

- Нет, - Бочкин покачал головой. – Куда бежать?

- Гармония большая.

- Нет, - Бочкин, наконец-то, вздохнул. – Я один не выживу. Как всё закончится, сдамся. Обещаю.

Взгляда Валера не поднял, посмотрел на председателя как обычно искоса, но Астахов ему поверил. Если Валера что-то озвучивал, то выполнял обязательно. Почестному. Жаль, что эту надёжность связиста, как и прочие положительные качества, жирно перечёркивали его «подвиги».

- Договорились. А теперь в темпе, Валера. Рысью!

Они выбежали из больницы и помчались обратно в бункер. Уже у дверей Бочкин опять затормозил и как-то странно вскрикнул. Астахов взглянул на связиста и обнаружил, что тот стоит, запрокинув голову к небу, и заворожено смотрит в звездно-голубую высь. Председатель тоже поднял взгляд кверху и обмер.

Некоторые звезды плавно маневрировали, другие срывались с места, ускорялись и снова останавливались, третьи просто мельтешили, словно

испорченные маятники, и все они постепенно... гасли! Одна за другой. И почти не оставляя следов.

– Они... уходят? – Осторожно спросил связист. – Или мы их сбиваем?

– Наши батареи молчат, значит, уходят, – сделал вывод Астахов. – Или сбиваем. Но не мы.

– А кто?

– А вот они, – председатель вытянул руку и указал на западный край горизонта.

Оттуда в сторону мельтешащих звезд двигался целый рой новых светлячков.

– Наши? – С затаенной надеждой спросил Бочкин.

– Это ты мне скажи, – Астахов кивком указал на здание Совета. – Давай, на рабочее место.

– Есть! – Валера бодро развернулся и припустил через площадь.

Председатель же так и остался стоять, запрокинув голову. Оторваться от такого грандиозного зрелища он не мог.

– Они успели, – послышалось у него за спиной.

Из бункера вышел Иван, а за ним и все прочие ополченцы.

– Да, – не отрывая взгляда от орбитального сражения, сказал Астахов. – Мы всё-таки победили.

Восьмой Ударный флот Земной Федерации разгромил армаду пришельцев в пух и прах. Почти половина кораблей чужаков была уничтожена на орбите Гармонии, остальных гнали до самой Вероны, где пришельцы спешно погрузились на корабли-матки и затем убрались восвояси. Земляне в этой битве понесли минимальные потери, а потому имели все основания праздновать победу. Что они и делали. Правда, не все.

Не участвовал в торжествах, например, председатель Совета колонии Астахов. Вместо того чтобы общаться с экипажами севших поблизости от городка боевых кораблей, как это делал Иван, или поправлять здоровье медицинским спиртом в компании космодесантников – чем с полным правом занимался «раненный в бою с чужаками» Хлюдов, председатель Астахов сидел в своем рабочем кабинете. Только не работал, а подробно рассказывал о событиях последних дней офицеру военной прокуратуры.

– ...А потом они выпустили когти и бросились на нас. Пришлось применить оружие. Ну, а дальше... прилетели вы.

– Понятно, – офицер сделал в своем электронном блокноте какую-то пометку. – Ваш рассказ меня почти удовлетворяет. Непонятны лишь два-три момента. Первый: когда вы решили оставить этих «космонавтов с Вероны» в корабле до утра, вы догадывались, что они не люди?

– Нет, – признался Астахов. – Я думал тогда о колонии. Вы сами видите, какая получилась цепь событий. Не будь этого проклятого корабля и паники, осталась бы в живых Галина.

– Возможно, – офицер кивнул. – Второй вопрос как раз о женщине. Как вы считаете, кто мог ее убить? У кого был для этого мотив?

– Я не знаю.

– А у ее бывшего мужа? Он мог поступить так в припадке ревности?

– Мог, но я уверен, что это сделал не он. Достаточно много людей видели, как Хлюдов уезжал с площадки в город. Галина в тот момент была еще жива.

– Да, я говорил с вернувшимися колонистами, – согласился дознаватель. – Более того, трое из них утверждают, что уезжали последними, и Галина пребывала в полном здравии. Получается, ее убил кто-то появившийся на сельхозплощадке в период времени между отъездом последних колонистов-родителей и... вашим появлением. Кто это мог быть?

– Люди разъезжались в разные стороны, это мог быть кто угодно.

– Но не забывайте, этот человек должен иметь мотив. Может, Галина нажила в колонии врагов?

– Её все уважали. Да и не принято у нас враждовать. Нас всего тысяча на всю планету. Если вы представите себя на месте колониста, то поймете, насколько ценной для нас является человеческая жизнь.

– Тем не менее, вы оставили четырёх человек умирать, – напомнил офицер.

– Я был вынужден сделать это, чтобы спасти остальных!

– А если злоумышленник руководствовался теми же соображениями? Ведь Галина была посвящена в ваш «заговор молчания», но высказывала сомнения в его целесообразности. Не так ли? То есть, была слабым звеном. Что, если кто-то решил обезопасить тайну, снизив количество посвященных до минимума?

– Вы намекаете, что убийца я?!

– Не исключено, – офицер холодно посмотрел на Астахова. – Выбор небогат. Либо вы, либо... ваш связист.

– Пойдите, – Астахов изначально понимал, что выгородить Валеру не удастся, но твёрдо решил довести игру до конца. Зачем? Скорее всего, для очистки совести. Ведь Бочкин, пусть и был преступником, но вместе с тем был своим, колонистом. А колониальную взаимовыручку никто не отменял. Даже для негодяев, и даже если эта взаимовыручка начинала смахивать на круговую поруку. – Я был всё это время на виду, а Бочкин безвылазно сидел за компьютером почти двое суток. Он не мог этого сделать!

– Он сидел за пультом и в момент убийства?

Председатель почувствовал в животе неприятный холодок. Версия посыпалась. Прокурор начал копать на нужной глубине. И всё же Астахов продолжал упрямяться.

– Нет. Его ненадолго отпустили. Поест, поспать. Он был совершенно измотан.

– Значит, достоверно сказать, где был ваш связист, нельзя?

– Погодите! – Предпринял Астахов последнюю попытку. – А почему вы не рассматриваете версию, в которой фигурировали бы чужаки?

– А зачем пришельцам ехать в лес и убивать незнакомую женщину? Да и на чём бы они туда поехали?

– А вдруг это были не те, а другие?! Диверсанты! Может быть, они до сих пор бродят по нашим лесам!

– Может быть, – дознаватель покачал головой. – Я понимаю, Павел Сергеевич, вам не хочется верить в виновность Бочкина, но на данный момент эта версия выглядит наиболее убедительной.

– Валера! – Астахов поставил локти на стол и схватился за голову. – Но зачем?!

– Он взял на себя всю ответственность и боялся, что Галина может проболтаться о вашем участии, – предположил офицер. – Видимо, вы были для него наивысшим авторитетом, если хотите – кумиром. А когда кумир позволяет себе бросить умирающих космонавтов, фактически убить их, чего можно ожидать от его последователя? Соккрытие правды ради спасения колонии стало для вас обоих целью, которая оправдывала любые средства.

– Вы меня обвиняете? – Председатель был не в силах поднять взгляд.

– Обвинять вас – дело Главного колониального суда на Земле, я всего лишь провожу дознание, – равнодушно сказал офицер. – Но оснований для ареста у меня вполне достаточно. Учитывая ситуацию и ваше общественное положение, я не стану заключать вас под стражу сию же минуту. – Офицер взглянул на часы. – К восемнадцати ноль-ноль эксперты кримлаборатории закончат разбираться с телами и уликами, так что будьте любезны явиться вместе с вашим связистом на корабль «Ворон-310» в семнадцать тридцать.

– Хорошо, – Астахов почувствовал, что внутри у него всё обрушилось.

– Ничего хорошего, – возразил офицер, – но вы не унывайте. Относительно вас я предвижу более-менее мягкий приговор. А вот что касается Бочкина... по герою и слава.

– Это была трагическая ошибка! – Астахов болезненно скривился и покачал головой. – Валера действовал из лучших побуждений! Колония находилась на грани гибели! Мы хотели дать людям шанс остаться людьми даже перед лицом смертельной опасности! Мы ждали атаки!

– Никакие побуждения не могут оправдать умышленное убийство, Павел Сергеевич, – строго сказал дознаватель, поднимаясь из-за стола. – Всегда есть выбор. А что касается шанса остаться людьми... колонистам вы его дали. Не спорю. Вот только сами почему-то им не воспользовались. До скорой встречи, арестованный Астахов.

Планета выглядела волшебно с любого расстояния. Едва она превратилась из бесформенной звёздочки в геометрическую фигуру, сразу стала чудом из чудес. А уж с ближней орбиты она выглядела и вовсе чем-то потрясающим. Просто раем. Полным разнообразной зелени, чистой воды, жизни. И всего этого на ней было ровно столько, сколько нужно. В любом её «уголке» жить было очень комфортно. Недаром ей дали имя Гармония. Возвращение сюда стало для Астахова величайшим счастьем. Осознать это в полной мере ему помогло трёхмесячное пребывание на Земле. После душной, грязной и нервной атмосферы зацикленной на прибылях метрополии чистота (во всех смыслах) Гармонии казалась просто нереальной. Отсюда и все приведённые выше эпитеты.

– Да уж, досталось вам, – председатель Совета колонии Иван Алексеев налил Павлу Сергеевичу еще чая. – А у нас за это время ничего, в общем-то, не изменилось. Вас же не было только три месяца. Урожай собрали, у Фила с Машей двойня родилась: мальчик и девочка, бункер на всякий случай достраиваем, работаем.

– Да, я видел, – Астахов медленно помешал напиток ложечкой. – Времени вы зря не теряли. В отличие от меня.

– Вас оправдали?

– Нет. Осудили условно. Но можно считать, всё обошлось.

– А Бочкин?

– Ему повезло меньше. На Гармонию он вряд ли вернётся. Ты-то как, справляешься?

– Вроде бы справляюсь. Мне бы, конечно, ваш опыт! Слушайте, Павел Сергеевич, может, поработаете ещё немного в администрации? Хотя бы консультантом. Куда она денется, ваша георазведка?

– Нет, хватит, – Астахов отрицательно покачал головой. – Буду, так сказать, постигать Гармонию. К северу, по данным спутников, богатые залежи минералов обнаружались. В конце концов, я как раз геологии учился, а не управлению. Вот вы – другое дело: офицер, лидер. Да и должность командира спасателей вы переросли. Председательство вам по плечу.

– Спасибо на добром слове, – Иван хотел сказать что-то еще, но его прервал стук в дверь. – Да!

В комнату заглянул совсем молодой парнишка. Астахов вспомнил, что этот паренек был одним из тех смельчаков, которые три месяца назад не спасовали и остались защищать колонию.

– Иван Геннадьевич, у меня проблема.

– У меня их знаешь сколько? – Иван усмехнулся. – Знакомьтесь, Павел Сергеевич, это Дима, новый связист. Какая у тебя проблема, юноша?

– Что-то на гиперрадаре. Отметки какие-то и помехи усиливаются. Такое впечатление, что скоро система крякнет.

– Что сделает?

– Ну, сломается или заглохнет. Чем ближе отметки, тем сильнее помехи.

– Та-ак, – протянул Алексеев, поднимаясь с кресла. – Какое-то знакомое сочетание. Пал Сергеич, вам не кажется?

– Кажется, – Астахов отодвинул чашку. – Но теперь нас этим не удивишь.

– Вот именно, – Иван взглянул на вытянувшегося в струнку Диму. – Пока враги не заглушили гиперсвязь окончательно, отправь на Землю сигнал об угрозе нападения. А затем включи аппаратуру экстренного оповещения всех жителей колонии. Пусть просыпаются и топают на внеочередное заседание Совета. Код оповещения: «Атака!»